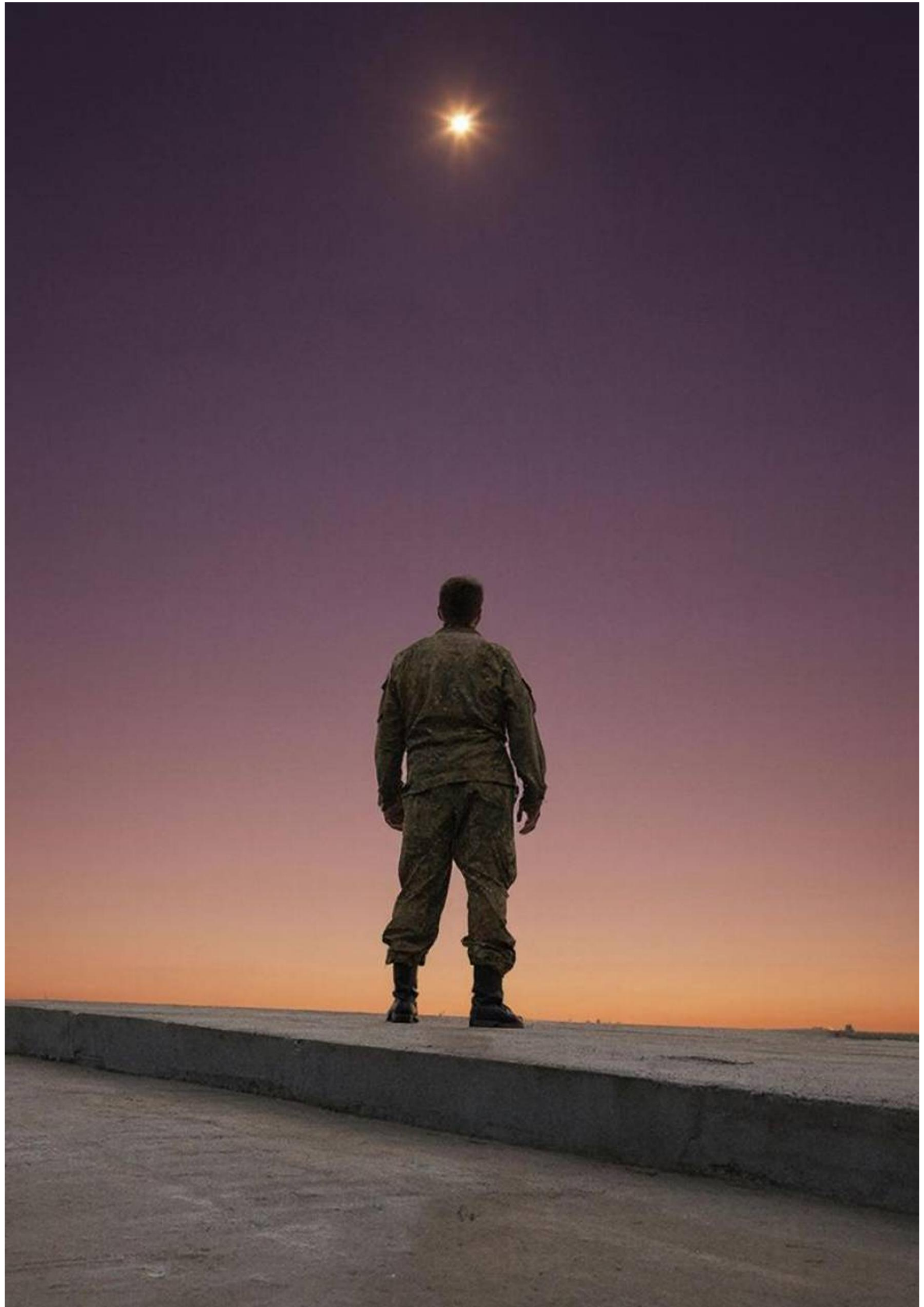

Николай Бочкарёв

Осталась только память

«Автор»

2026

Бочкарёв Н. Н.

Осталась только память / Н. Н. Бочкарёв — «Автор», 2026

Они думали, что идут убивать монстра в московском метро. Они не знали, что монстр попытается с ними заговорить. И не знали, что правда окажется страшнее любой пули. Потому что иногда враг — не тот, кто нападает. А тот, кто смотрит на тебя из темноты высоких кабинетов и тянет руки с раскрытыми ладонями к твоему горлу. Война не закончилась. Она только затаилась.

© Бочкарёв Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дарваз	5
Полковник	7
Метро	10
Операция «Фундамент»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Бочкарёв

Осталась только память

Дарваз

Серёга был нашим сапёром, толковым пацаном, до этого дня. Теперь он был тёплым месивом, раскиданным по камням узкого прохода где-то под хребтом Дарваза. От него пахло не просто кровью и кишками – сладковато-кислым, как протухший мёд, смешанным с чем-то... минеральным. Как будто его не разорвало, а растворило изнутри. А над всем этим, на куче расползающейся плоти, торчала голова, раскачивалась в разные стороны и раскрывала рот с растворяющимися губами и быющим красной змеей языком. Как будто хотел что-то сказать нам напоследок.

«Ну вот, Серёга», – пробурчал я себе под нос, прижимаясь спиной к ледяной, мокрой скале, – «говорил же, не лезь первым. Теперь кто нам мины обезвреживать будет? На начальство надеяться?» Цинизм – последний бастион перед безумием. Особенно здесь, в этом каменном чреве, где даже воздух казался древним и враждебным.

Забросили нас как мусор. "Особая геологическая аномалия", "исчезновение группы исследователей". Бла-бла-бла. Стандартная песня. Мы, "волки" из горно-стрелкового спецназа, лучшие, из лучших. Прошли Чечню, Афган тенью за отцами, Сирию. Думали, выдали всё.

Наивные идиоты.

Командование, эти усатые крысы в кабинетах, даже карты нормальные не дали. Схемы пещер, накарябанные каким-то студентом-геологом, оказались детской мазнёй по сравнению с этим лабиринтом ада. Ледник наверху плавился, вода сочилась по стенам, превращая пол в скользкую, хлюпающую жижу. Холод пробирал до костей, несмотря на термобельё и броник. Но это был знакомый холод, солдатский.

Потом пошли звуки.

Не крики – их бы мы поняли. Не рык зверя. Шорохи. Множественные, быстрые, как тараканы лапки по бетону, но... тяжелее. Глухие. Будто что-то большое и мягкое ползло по камню над нами, за потолком туннеля. Щелчки, от которых сжимались зубы. И шёпот. Непонятный, на грани слуха, будто ветер гуляет в расщелинах, но ветра здесь не было. Он лез в голову, этот шёпот, вызывая тошнотворную пульсацию в висках.

Первая потеря – не Сергей. Сашка "Фокс", наш снайпер, просто взял и исчез. Шли по относительно широкому залу, сталактиты торчали вверх, как гнилые зубы. Фокс шёл замыкающим. Оглянулись – его нет. Ни крика, ни выстрела. Только влажный, тяжёлый звук — будто мешок с мокрым песком ухнул в грязь, где-то сзади во тьме. Потом тишина, нарушаемая только нашим тяжёлым дыханием и каплями воды.

Психанули. Конечно, психанули. Выпустили очередь в темноту – пули звякали о камень, рикошетили жутко. Молчание стало ещё гуще, тяжелее. Запахло чем-то новым – едким, как соляная кислота, смешанная с запахом сырого мяса из разморозки.

Потом был Серёга. Он полез проверить узкую щель, из которой, по его мнению, дул странный тёплый сквозняк. Тепло. В этом вечном холоде оно манило, как огонёк в метель. Идиотская надежда. Раздался не взрыв – хлюпающий хлопок, будто гигантский пузырь лопнул. И Серёга стал тёплым пятном на камне и этим сладко-кисло-минеральным смрадом.

Мы побежали. Куда? Не знаю. Просто от. От щелей в стенах, из которых, казалось, смотрит слепая, холодная тьма. От шорохов за спиной, которые становились громче, настойчивее. От шёпота, который теперь звучал не снаружи, а прямо в черепной коробке, нашептывая что-

то нечленораздельное, но полное нечеловеческой злобы. Холод камня под ладонью, когда я спотыкался, был почти утешением. Он был реальным. Осязаемым.

Они вышли из тьмы не сразу. Сначала это были тени в свете фонарей – мелькающие, не держащие форму. Как будто сама темнота оживала и тянулась к тебе щупальцами. Потом – вспышки в периферии зрения. Биолюминесценция? Галлюцинации от стресса и нехватки кислорода? Не знаю. Видел... что-то. Не гуманоида. Не паука. Не червя. Что-то, что двигалось против законов физики. По стене, поперёк потолка, вытекало из узкой трещины, как жидкий дым, но плотный, тяжёлый. Хитин? Кожа? Не поймёшь. Ощущалось – давление. Чудовищное, древнее, чужое. Не злоба, не голод – просто... присутствие. Как ты чувствуешь, когда на тебя смотрит хищник из зарослей, только в миллионы раз сильнее.

Бой? Тактика? Какая там, к чёрту, тактика. Ад крошечный. Оглушающий рёв автоматов в каменном мешке, дикие крики ребят – не боевые, а предсмертные, полные чистого, животного ужаса. Вспышки выстрелов выхватывали кошмарные кадры: Петрович, затянутый во что-то чёрное и многоногое, исчезающий в щели, ширина которой была меньше его плеч. Лёха, стреляющий в упор в пульсирующую массу, которая не разрывалась от пуль, а лишь колыбалась, как желе, обволакивая его ноги липкой, тёмной слизью. Его крик... Боже, его крик. Не от боли – от осознания. От того, что его поглощает нечто, для чего он – просто биомасса. Тёплая кричащая биомасса в вечном холоде камня.

Я стрелял. Куда-то. Во тьму. В движущиеся тени. Пули уходили в никуда или с глухим стуком вязли в чем-то упругом. Гранаты? В узких ходах – самоубийство. Слепляющая вспышка, оглушительный грохот, каменная пыль, обломки... и тишина на секунду. Потом – шелест. Множественный. Ближе. Всегда ближе. И этот проклятый шёпот в голове, теперь уже яснее: "Снизу... снизу... мы всегда снизу..."

Как я выжил? Не знаю. Чистая слепая удача, адреналин и трупная хватка на автомат. Бежал. Падал. Катился вниз по какому-то мокрому скату, ломая рёбра о выступы. Чувствовал, как мимо лица проносится что-то холодное и склизкое. Слышал, как позади камни рушатся, заваливая проход – то ли случайно, то ли они преграждали путь назад, или вперёд. Выполз на поверхность в предрассветных сумерках, весь в грязи, крови (своей? чужой?), и этой чёрной липкой слизи. Солнечный свет резал глаза, как ножом. Воздух казался невероятно жидким, пустым.

Нашли меня через сутки. Полуживого. С пустым взглядом. С автоматом, примёрзшим к рукам так, что пришлось отдирать, разгибая по одному непослушные пальцы.

Сказали, что геологи нашли. Что группа попала в обвал. Что я герой, выживший в страшных условиях. Наградили. Отправили на пенсию по состоянию здоровья. "ПТСР сильное", – кивали умные дяди в погонах, избегая смотреть в глаза. Глаза, в которых отражалась не пустыня и не горы Чечни, а вечная, живая тьма подземелий.

Цинизм умер там, внизу, вместе с Серёгой, Сашкой, Петровичем, Лёхой. Вместе с верой в то, что мы – хозяйева этой планеты. Что есть "верх" и "низ". Что "внизу" – только камень.

Всё кончилось, теперь – только память. Живая, дышащая память. Она сидит со мной в тишине пустой квартиры. Она шелестит в вентиляции по ночам. Она оставляет липкие следы на краю сознания. Она пахнет сладковато-кислым и минеральным. Она шепчет: "Снизу... мы всегда снизу..."

И я знаю – они там. Ждут. Или просто есть. Не важно. Они реальны. Гораздо реальнее этих дурацких наград на стене и пустых слов психотерапевта.

Потому что осталась только память. И она сожрала всё остальное.

Полковник

Водка. Дешёвая, палёная, жгущая горло и не дающая ничего, кроме тупой тяжести в висках и временного забвения, пока не проснёшься посреди ночи в холодном поту, с криком, зажатым в горле, и с ощущением, что ОНИ только что отползли под кровать. Или морфий. Дорогой, сладкий яд, который на пару часов заворачивает мир в вату, глушит шёпот в голове, превращает кошмар в размытый немой фильм. Но потом – откат. Глубже, чем прежде. Больнее. И шёпот превращается в гром: "Снизу! Снизу!! Мы снизу!!!"

Женщины? Были. Недолго. Красивые, глупые, жалостливые. Думали, смогут "вылечить" любовью, теплом тела, домашним уютом. Хер там. Какой уют, когда твоя рука сама тянется под подушку за стволом при скрипе половиц? Какое тепло, когда во время близости тебе мерещатся липкие щупальца вместо её рук? Они уходили. Быстро. Со слезами, с упрёками ("Ты же не хочешь лечиться!"), с облегчением. Одна даже сказала: "Ты как ходячая могила". Не соврала. Могила, в которой заживо похоронены Серёга, Сашка, Петрович, Лёха и всё, чем я был.

Военкомат. Дерьмовое серое здание, пропахшее пылью, чернилами и невытой тоской. Вызов – как удар током сквозь опиоидный туман. "Уточнить данные". Какие ещё, к чёрту, данные? Я же списанный утиль. Ходячая медицинская карточка с диагнозом "ПТСР тяжёлой степени" и рекомендацией "не тревожить". Инстинкт, забитый в подкорку за годы службы, заставил натянуть выцветший камуфляж, побриться (рука дрожала, порезал подбородок), явиться. Автоматизм. Солдатский долг, не до конца вытравленный кислотой ужаса.

В кабинете – не писарьки. Полковник. Не наш, не армейский. Из другой оперы. Мельников.

Узнал я его сразу, хотя и видел впервые. Такие не светятся в сводках. Не висят на досках почёта. Они – тень от тени. Одет не по форме – дорогой, но неброский тёмный костюм, безупречно сидящий на поджарой фигуре. Лицо – высеченное из старого, морозного гранита. Ни морщин эмоций, ни тепла в глазах. Глаза... Холодные, серые, как пепел. Смотрят сквозь тебя, оценивая не внешность, а что-то внутри. Костяк. Уязвимости. Цену. Пахло от него не пылью военкомата, а дорогим табаком, холодным металлом и... секретом. Густым, тяжёлым, как подземная тьма.

– Сержант Волков? – Голос тихий, ровный, без интонаций. Как скрип двери в заброшенном доме.

Я кивнул. Горло пересохло. Руки сами сжались в кулаки. Не страх. Ожидание удара. Знакомое ощущение из пещер – перед атакой.

– Присаживайтесь, сержант, – жест в сторону стула за пустым столом.

Мельников откинулся в кресле. Движение плавное, хищное. На столе перед ним лежала тонкая папка. Знакомая. Очень. Моё личное дело. На обложке – гриф. Не "Секретно". Даже не "Совершенно секретно". Что-то длинное, из цифр и букв, означающее "забудь, что видел это".

– Ваши данные, – он слегка ткнул пальцем в папку, – требуют... актуализации. Особенно касательно операции «Карст-17» в районе хребта Дарваз.

«Карст-17». Кодовое имя. Как гвоздём по стеклу в тишине. Шёпот в голове взревел на секунду: "Снизу!" Под столом моя нога начала мелко, предательски дрожать. Запах... Сладковато-кислый, минеральный... Нет, показалось. Это просто пыль. Или пот.

– Обвал. Потеря группы. Я выжил. Всё в рапорте, – выдавил я. Голос хриплый, как после недели молчания. Цинизм умер, осталась только пустота, натянутая как струна.

Мельников почти незаметно усмехнулся. Уголок тонких губ дрогнул на миллиметр. – Рапорт, – повторил он, растягивая слово, – это бумага, сержант. Бумага терпит всё. Даже ложь начальства. Его серые глаза впились в меня. – Мы знаем, что вы там нашли.

И опять тишина. Гулкая, как в тех проклятых пещерах. Даже капли воды с потолка воображаемые зазвучали. Кап. Кап. "Снизу..."

– Ничего я не нашёл, – прошептал я. В ушах зазвенело. Морфийный отходняк сжал виски... – Камни. Темнота. Трупы товарищей. Обвал.

– Трупов, – продолжил Мельников ледяным тоном, – не нашли. Ни ваших ребят. Ни геологов. Ничего. Только... следы. И вот это. – Он положил вторую фотографию. Крупный план. Камень. На нем – пятно. Чёрное, блестящее, даже на фото видна его вязкая структура. Та самая слизь. Та, что была на моей форме. Та, что я отскребал из-под ногтей неделями. Ее химический анализ поставил в тупик три лаборатории. Неизвестная органика.

Я почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Как сжимается желудок. Как дрожь из ноги поднимается выше. Они знают. ОНИ ВСЁ ЗНАЮТ.

– Операция «Карст-17» не завершена, сержант Волков, – Мельников закрыл папку. Звук был громким, как выстрел. – Объект не нейтрализован. Угроза сохраняется. И, по нашим данным... активизируется. Новые туннели. Новые следы. Теперь всё ближе к людям.

Он замолчал, давая словам впитаться, как яду. Его серые глаза не отрывались от моих. В них не было ни сочувствия, ни осуждения. Только холодный расчёт.

И предложение.

– Нам нужен человек, который видел врага в лицо. Который... чувствует его. Который знает цену. – Он слегка наклонился вперед. – У нас есть группа. Не такие... зелёные, как ваша. Оснащены по последнему слову. На основе ваших... впечатлений. Но им нужен проводник. Глаза. Чутье.

Я засмеялся. Коротко, как предсмертный хрип. – Проводник? В ад? Я уже был. Вытащили. Чуть жив. – Я ткнул пальцем себе в висок. – Тут – мусорка. Там – кивок вниз, к полу, – они. И знаете что? Пусть сидят. Пусть жрут друг друга. Мне – похер.

Мельников не моргнул. – Похер? – Он повторил мое слово без эмоций. – Тогда зачем вы пришли? Зачем надели форму? Зачем пытаетесь заглушить то, что не заглушить? – Он встал. Ростом оказался невысоким, но его присутствие заполнило кабинет ледяной, безжалостной силой. – Там, внизу, остались ваши ребята. Не тела. Не вещи. Они остались там. В той тьме. С ними. Вы слышите их крики по ночам? Или только шёпот ТЕХ?

Каждый его удар – точный, как пуля. Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль. Реальная. Сильнее, чем шёпот.

– Это не предложение службы, Волков. Это шанс. – Он подошел к окну, спиной ко мне. Смотрел на унылый двор военкомата. – Шанс поквитаться. Шанс закрыть дверь в тот ад. Или... или уйти в него окончательно. Но с оружием в руках. А не с бутылкой или шприцем. – Он обернулся. В его глазах горел холодный, неистовый огонь. Огонь человека, который видел слишком много своих адов. – Мы уходим через три дня. С вами или без. Подумайте. Но знайте – это последний вызов. Больше никто не придёт. Ни к вам. Ни туда.

Он положил на стол визитку. Простой белый картон. Только номер телефона. Ни имени, ни звания.

– Через три дня, восемь вечера, 20:00.

Мельников вышел. Не попрощавшись. Оставив после себя запах дорогого табака, металла и неразрешимой дилеммы. И тишину. Ту самую, гулкую тишину пещер, которая теперь звенела в моих ушах громче любого шёпота.

Я посмотрел на визитку. На папку с грифом. На свои дрожащие, покрытые старыми шрамами и свежими следами от иглы руки.

Шанс поквитаться.

Шанс уйти окончательно.

Серёга... Сашка... Петрович... Лёха...

Шёпот в голове сменился на крик. Крик ярости. Крик отчаяния. Крик чего-то древнего и дикого, что водка и морфий так и не смогли до конца убить.

Война не закончилась. Она только затаилась. Снизу.

Метро

Ледяная волна прокатилась по спине. Метро. Слово ударило, как приклад по зубам. Не далекие, безлюдные горы. Метро. Гул поездов, толпы людей, запах пота, жареных пирожков и машинного масла. И под этим всем – та же вечная, живая тьма. Те же узкие тоннели. Та же сырость на стенах. Тот же холод камня, но уже не первозданного, а облицованного кафелем и загаженного человечеством.

– Метро? – Голос мой сорвался, превратившись в скрип. Представил: толпа утром, спешащая на работу. Девчонка в наушниках. Старик с газетой. И из вентиляционной решётки... оно. Липкая тень. Шелест. Тот сладковато-кислый запах, перебивающий духоту подземки. Паника. Крики. Кровавая мясорубка в тесной ловушке под миллионным городом.

Мельников кивнул, едва заметно. Его каменное лицо не дрогнуло, но в серых глазах мелькнуло что-то... почти удовлетворённое. Он добился своего. Пробил последнюю броню цинизма и отчаяния. Страх за других, за тех, кто даже не подозревает, что под ногами – не бетон и коммуникации, а тонкая корка над бездной, стал реальностью.

– Пока редко, – подтвердил он, голос все так же ровный, будто докладывал о плановых учениях. – Пока точно. Глубокие технические коллекторы. Заброшенные служебные ветки. «Слепые зоны» систем наблюдения. – Он достал из папки еще один снимок. Кадры, снятые инфракрасной камерой на шлеме. Тоннель метро. Облицовка местами облупилась, обнажив сырой бетон и скальную породу под ним. На полу – не масляные пятна. Знакомые, широкие, размазанные следы. Свежие. И на стене – блестящее, чёрное пятно слизи. Больше, чем те, что мы видели в горах. Как будто что-то крупное прислонилось, отдыхало... или осматривалось.

– Пропажи, – продолжил Мельников. – Два ремонтника за неделю. Официально – несчастный случай на путях. Тела не найдены. Но их камеры... последние кадры... – Он не стал показывать. По его лицу, впервые за встречу, скользнула тень чего-то, что могло быть отвращением. Или холодным любопытством учёного перед аномалией. – Шум. Помехи. И... движение. Нечеловеческое. Быстрое.

Я закрыл глаза. Но не помогло. Я видел. Видел тёмный тоннель. Видел свет фонарика на шлеме одного из беделог, выхватывающий на мгновение... нечто. Не тень. Не грызуна. Слишком много движущихся частей. Слишком быстро. И слышал в воображении их последний, короткий вскрик, заглушаемый тем же хлюпающим, влажным звуком, что поглотил Лёху.

– Они изучают, – прошептал я, сам не ожидая этих слов. Голос звучал чужим, проржавевшим. – Как тогда... тёплый сквозняк. Манили Сергея. Теперь... гражданские. Шум. Свет. Движение. Изучают новую... среду. Новую пищу. Слово «пища» вышло с таким отвращением, что я сглотнул ком в горле.

– Вероятно, – согласился Мельников без тени сомнения. – Их активность растёт после каждого сейсмического толчка в регионе Дарваза. Как будто... пробуждаются новые слои. Новые ходы. – Он положил фотографию рядом с визиткой. – Сейчас – технические ветки. Через месяц – заброшенные станции. Через полгода – действующие перегоны в час пик. Мы не можем ждать.

– Что у вас за группа? – спросил я, уже ненавидя себя за этот вопрос. За проблеск чего-то кроме страха и пустоты. За ту самую ярость, которую Мельников так ловко разжёт. Пища. Мои ребята стали пищей. А эти... работяги... Становятся.

– Военные спелеологи, – ответил Мельников. В его глазах мелькнуло уважение. – Спецы. Их подразделение выкуривало духов из их собственных пещер. Но они – лишь боевое охранение. Основной личный состав – гражданские: учёные, инженеры. Специалисты по подземным сооружениям. Биологи. Пси-оперативник. Охрана – крепкие ребята, они умеют воевать под землёй. Воевать и выживать. Но они не видели то, что видел ты. Задача учёных – взять

образцы. Установить датчики глубокого сканирования. Попытаться понять, что это за напасть и откуда она взялась. Если повезёт - как с ней бороться. Ваша задача – быть их глазами и чутьём в темноте. Чувствовать приближение противника. Знать, откуда ждать атаки. Не дать им умереть как... как те ремонтники.

Ученые. В пещеры. К ним. Это было хуже, чем вести новобранцев. Учёные будут лезть в каждую щель, светить фонарями туда, куда светить нельзя, тыкать приборами в то, что лучше не тревожить. Они – идеальная приманка. Шумные, любопытные, беззащитные перед настоящим ужасом.

– Самоубийство, – хрипло выдохнул я.

– Необходимость, – парировал Мельников. – Традиционное оружие, как вы убедились, малоэффективно. Нам нужно понять врага, чтобы найти его слабость. Или... способ изолировать. Навсегда. – Он посмотрел на часы. Холодный, точный жест. – Три дня. Группа ждёт инструктажа. Ваш ответ – ключ. Без вашего опыта, они даже не найдут правильный вход в коллектор.

Он встал. Разговор был окончен. Воздух в кабинете снова загустел от немого вопроса и запаха неизбежности.

– Почему я? – спросил я в спину, когда он уже взялся за ручку двери. – Вы же знаете... что со мной. Я – поломанный. Каждый тёмный угол... каждая щель...

Мельников остановился. Не обернулся.

– Потому что вы – единственный, кто вышел оттуда живым, Волков, – его голос прозвучал из приоткрытой двери, ледяной и окончательный. – Потому что ваша «поломанность» – это радар. Ваш страх – лучший детектор их присутствия. Вы чувствуете их, даже когда приборы молчат. Вам не нужны карты тоннелей. Вы помните запах их дома. Это не слабость. Это оружие. Последнее, что у нас есть.

Дверь закрылась. Я остался один с черно-белыми фотографиями следов в метро, белой визиткой и оглушительным гулом в ушах. Но это был уже не звон. Это был гул поезда, идущего где-то глубоко под землёй. По нашим тоннелям. Несущего не людей, а тьму.

Я посмотрел на свои руки. Дрожь стихла. Осталась только тяжёлая, свинцовая уверенность. Мельников был прав. Я чувствовал. Прямо сейчас. Сквозь толщу бетона военкомата, слои грунта, шум города... Оно было там. Внизу. В тёплой, сырой темноте коллекторов. И оно шевелилось. Изучало. Готовилось.

Шанс поквитаться? Возможно.

Шанс умереть? Неизбежно.

Но теперь... это был шанс не дать адскому шёпоту из вентиляции заполнить весь город. Не дать им сделать миллионы людей всего лишь... пищей.

Я взял визитку. Холодный картон обжёг пальцы. Три дня. До спуска в самый страшный кошмар – на этот раз под сердцем города. До новой встречи с тем, что ждало снизу. Всегда снизу.

"Ладно, Серёга... Саня... – прошептал я в гулкую тишину кабинета. – Похоже, нам светит еще одна прогулка. На этот раз... в метро." Цинизм вернулся. Горький, как опиоидный отходняк, и острый, как боевой нож. Последняя броня перед прыжком в бездну.

Операция «Фундамент»

Три дня. Сорок восемь часов водочного тумана и морфийных провалов, а потом сутки кошмаров, которые теперь были не просто состояниями организма, а репетицией. Репетицией спуска вниз, в коллекторы. Каждый скрип в стене квартиры, каждый гул поезда вдалеке заставлял сердце бешено колотиться, а руки – искать ствол. Но я готовился. По-своему. Выбросил шприцы. Вылил последнюю бутылку в раковину. Глотал адреналиновую тошноту и холодный пот, заставляя себя чувствовать этот городской гул, эту вибрацию под ногами. Их вибрацию. Мельников назвал это оружием. Я чувствовал себя миной замедленного действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.